

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-329-343>

Религиозное искусство и музейная репрезентация: исторические аспекты, вызовы и перспективы

О. А. Рыжкова 

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация
s244681@std.novsu.ru

Для цитирования:

Рыжкова О. А. Религиозное искусство и музейная репрезентация: исторические аспекты, вызовы и перспективы // Визуальная теология. 2025. Т. 7. № 2. С. 329–343. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-329-343>

Аннотация. Исследование посвящено практике музейной репрезентации религиозных ценностей и связанному с ней дискурсу институционализации сакрального наследия. Юридическое определение музейных предметов и соответствующие критерии, связанные с их отбором, сохранением, изучением и публичным представлением (Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»), подразумевают, что к музейным экспонатам относятся и ценности, связанные с религиозным культом. Такие объекты обладают двойственным статусом: с одной стороны, это материализованные артефакты культурного наследия, с другой – носители сакрального смысла и духовных ценностей, требующие особого подхода при их музеефикации и интерпретации. Многогранное историко-культурное и сакральное значение церковных предметов зачастую вызывает сложные дискуссии среди представителей религиозных институтов, научного сообщества и широкой общественности, а тема реституции церковного наследия является одной из самых резонансных – как связанная с противоречиями между правом на сакральное владение, культурными ценностями и вопросами публичного доступа. Институциональные рамки, регулирующие хранение и реставрацию таких предметов, не всегда позволяют однозначно определить, какая из структур – музей или Церковь – обладает приоритетом в вопросах ответственного управления данными ценностями. В исследовании подчёркивается, что современный дискурс музеефикации религиозных объектов находится на стыке нескольких ключевых проблем; это вопрос достижения баланса между сохранностью и обеспечением доступности, проблема интерпретации сакрального контекста в светском пространстве музея, а также вопрос о месте человека как субъекта религиозного и культурного переживания в храмовом и музейном контекстах. Важно также учитывать культурно-исторические традиции, меняющиеся стандарты музейного и реставрационного дела, а также разнообразие социокультурных ожиданий в отношении названных ценностей. Таким образом, объектом исследования становится формирование комплексного дискурса, в котором переплетаются аспекты культурной политики, музейной науки, религиозоведческих подходов и этических норм. Анализ данной проблематики позволяет осмыслить механизмы куль-

турной репрезентации религиозного наследия и расширить понимание роли музея как пространства диалога между сакральным и светским.

Ключевые слова: визуальная презентация культурных ценностей, церковное искусство, музей, экспозиция, дискурс, реституция.

Religious art and museum representation: historical aspects, challenges and prospects

Olga A. Ryzhkova 

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russian Federation
s244681@std.novsu.ru

For citation:

Ryzhkova O. A. Religious art and museum representation: historical aspects, challenges and prospects. *Journal of Visual Theology*. 2025. Vol. 7. 2. Pp. 329–343. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-329-343>

Abstract. The study is devoted to the practice of museum representation of religious values and the discourse associated with it. Museum activities represent a complex process of rethinking the historical past, shaping cultural identity, and updating value strategies and narratives sought by society. The museum functions as a field of interaction between various institutional actors, memory communities, and media platforms, reflecting its role in the construction of sociocultural meanings. An important aspect of museum practice is assessing the potential of church institutions claiming responsibility for the preservation of religious works of art. This involves critically examining their organizational, financial, technical, and scientific resources necessary to ensure the comprehensive study and public display of these objects. Each such case requires tailored solutions that consider both spiritual and religious as well as cultural and museum-related parameters, as well as the balance between the educational mission of museums and respect for tradition. In this regard, a discourse analysis of the statements of one of the leading figures in Russian cultural policy, M. B. Piotrovsky, is important. He emphasizes that sacred meaning today prevails over artistic value. The study revealed dynamic processes transforming the status of museums in society, redefining key concepts such as heritage, preservation, and cultural appropriation. Thus, the object of this research is the formation of a complex discourse that intertwines aspects of cultural policy, museum scholarship, religious studies approaches, and ethical norms. Analysis of this problematic allows us to understand the mechanisms of cultural representation of religious heritage and expand our understanding of the role of the museum as a space for dialogue between the sacred and the secular. The contemporary discourse on the museification of religious objects is at the intersection of several key issues: the balance between preservation and accessibility, the interpretation of the sacred context in the secular space of the museum, and the place of the individual as a subject of religious and cultural experience within the context of a church and museum. The discourse under study is influenced by globalization and digital processes, as well as changes in public consciousness.

These factors influence the formation of public perception of heritage, as well as the methods and strategies of its preservation, scientific analysis and popularization, emphasizing the need to adapt museum practices to modern challenges and socio-cultural expectations.

Keywords: visual presentation of cultural values, church art, museum, exhibition, discourse, restitution.

Церковное искусство занимает важное место в музейных коллекциях, представляя собой не только эстетическую ценность, но и значимый элемент культурного кода общества. Возможность его глубокого анализа и обсуждения подчёркивает важность религиозных традиций в формировании культурного наследия, а музейные экспонаты не только демонстрируют мастерство художников, но и служат связующим звеном между прошлым и настоящим.

В современных исследованиях музей рассматривается, в том числе, как идеологическое учреждение, создающее и фиксирующее смыслы в виде норм. В этом контексте иконы и предметы декоративно-прикладного искусства, используемые в богослужении, становятся важными инструментами для представления идеологических и социокультурных концепций. Они выполняют двойную функцию: с одной стороны, служат средством репрезентации идей, а с другой – являются ценными историческими документами, отражающими культурные и социальные реалии своего времени.

Тема реституции церковных ценностей является одной из самых неоднозначных. В настоящее время религиозное наследие является предметом острой полемики; особенно это касается ценных культурных объектов, относящихся к Музейному фонду Российской Федерации. По нормам международного права, такие объекты, принадлежащие религиозным организациям, имеют статус культурных ценностей, что вызывает множество споров о правомерности их возвращения.

Федеральный закон от 22.06.2024 № 150-ФЗ дополнил Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»¹. Однако действие закона не распространяется на имущество религиозного назначения, которое относится к музейным предметам и музейным коллекциям, если «не предусмотрено иное», что и вызывает ряд вопросов. Не утратят ли объекты реституции, в случае их возвращения в Церковь, доступность для нерелигиозной части социума? В какой степени музейное экспонирование церковных предметов будет способствовать или препятствовать пониманию их религиозного и культурного значения? Легитимно ли соотнесение реституции церковных ценностей и вопросов, связанных с христианской верой, сакральным статусом реликвий, правами собственности?

Безусловно, для религиозного человека иконы, предметы церковного облачения и богослужебная атрибутика связаны с контекстом пребывания в храме, молитвой, опытом обращения к Богу и святым, и с исторической точки зрения

¹ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32204>.

данные «объекты церковного наследия» создавались не для экспонирования в музейных залах. Однако в святоотеческом наследии подчёркивается, что икона – это воплощение Божественной сущности, и благодать исходит именно от неё, а не от красок и дерева. В этом контексте копия (список) изначального образа равнозначен оригиналу: «Хотя изображение сходно и совершенно подобно первообразу, но сущность – различна, потому что <...> тот – одушевлённое существо, а это – дело живописца, из воска и красок» [Максим Исповедник 2006, 47].

Ценности высшего, сакрального порядка, воплощённые в шедеврах религиозного искусства, имеют и вполне видимую, материальную составляющую, для обеспечения сохранности, реставрации и публичного представления которой могут потребоваться субвенции из федерального бюджета. Будут ли церковные общины обладать необходимыми для этого техническими и финансовыми возможностями? Аспекты бытования фресок и икон в действующих соборах и вопросы их безопасности не всегда можно назвать удовлетворительными. Несмотря на наличие положительных примеров организации охраны, реставрации и экспонирования объектов культурного наследия, церковные инициативы в данной сфере остаются весьма ограниченными и обычно проявляются через сотрудничество отдельных храмов и конкретных музеев или персон. Историческим примером подобного взаимодействия служит тот факт, что ещё в дореволюционной России религиозные организации и частные коллекционеры продавали или передавали в дар музеям иконы, утварь и церковные книги. Произведения церковного наследия хранились в Оружейной палате, Императорском Российском Историческом музее и Императорском Русском музее. Существовавший с начала XIX в. при Московской духовной академии Церковно-археологический музей включал богатейшее собрание древних икон и церковных книг. В 1856 г. при Петербургской Академии художеств был организован Музей православного иконописания. В Государственном Русском музее с момента его основания существовало отделение христианских древностей. Иконы новгородских монастырей, собранные А. М. Горностаевым и В. А. Прохоровым с разрешения церковных властей, стали основой Новгородского епархиального древлехранилища, коллекцию которого составили 350 икон XIV–XIX веков. Часто это были реликвии, которые не могли служить «по ветхости». На 1917 г. в России существовало около семидесяти музеев, которые функционировали при различных церковно-археологических обществах и комитетах, а также при православных учебных заведениях как высшего, так и среднего уровня. Своим существованием подобные музеи были обязаны усилиям научной среды и образованных представителей православного духовенства, интересующихся историческим прошлым.

После революции 1917 г. коллекции подобных древлехранилищ стали основой музейных фондов, что, безусловно, сыграло роль в сохранении памятников культуры: в январе 1922 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет принял постановление «О ликвидации церковного имущества», предложением которого стал сбор средств для голодающих.

Учёный секретарь Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры и хранитель ризницы П. А. Флоренский подчёркивает отсутствие атрибуции и низкую степень сохранности реликвий: «Вещи первоклассные, делающие честь любому музею, были перемешаны с второстепенными или даже вещами, стоящими ниже кри-

тики, а тем самым терялись среди них. Мы имели дело с некоторым неопределённым кругом музейных объектов невыясненного состава, неизвестных дат, вообще неизвестных, и если бы тогда потребовался ответ на вопрос о числе и виде нужных для музея комнат, то мы вынуждены были бы ограничиться неопределённым указанием, что комнат нужно много, но сколько именно – неизвестно. В самом деле, мы решили теперь лучшие расчищенные иконы выделить в особую залу, и состав их приблизительно, только приблизительно, определился; но как же можно было заранее говорить, сколько нужно места для лучших икон, когда до расчистки оставались под вопросом и степень их сохранности, и качество письма» [Поляков 2011, 423–465].

Конвенционально с музеем связаны такие понятия, как «храм муз», «сокровищница», «святилище», «коллекция», «колониальное пространство», «рыночная структура», место «нарративизации или искупления травмы» [Butler 2007, 22]. Приведённые ниже высказывания иллюстрируют, как на протяжении всего двух веков в массовом сознании менялись акценты музейной репрезентации. Вот, к примеру, одно из первых толкований понятия из словаря иностранных слов 1845 г.: «Музеум или музей, первоначально так назывался храм или грот, посвящённый музам <...>. В позднейшие времена под музеем стали разумеать вообще собрание редких и любопытных предметов по всем отраслям естественной истории или искусств» [Кирилов 1845, 204–205]. Несколько десятилетий спустя, в 1878 г., музей обретает новый статус – скрепы общества: «Сохранение для истории следов человеческой жизни есть потребность и обязанность всякой образованной нации. С целью разыскать и разгадать эти следы прошедшего и увековечить для потомства быстро изменяющиеся формы народного быта существуют отдельные науки, созидаются обширные музеи» [Флоринский 1879, 8]. Итак, из собрания дикиховин, созданных для развлечения публики, музей становится важнейшей общественной институцией, не только отражающей представления социума об интересном, правильном и красивом, но и формирующей эти представления. Однако эстетические и просветительские возможности музея охватывали не всех: доступом к большинству музейных коллекций обладали лишь высшие слои общества. Нацеленный на формирование «в массах» гражданского сознания, музей долгое время оставался элитарным местом [Рыжкова 2024, 52].

Системный и исторический базис музея образуют для аудитории некую «картину мира», его предметный и вербальный образ. Содержащиеся в музее экспонаты выступают в качестве языка культуры или культурного кода. Умберто Эко называл представленные материальные свидетельства «закодированным воплощением реальности, определённым образом отфильтрованной, в той или иной степени интерпретированной»; в таком контексте исторические факты и документы «являются не слепами или оттисками реальности, а её репрезентантами, требующими декодирования, то есть раскрытия смысла путем интерпретации» [Эко 1998, 47]. Материально-символическая предметная среда влияет на аудиторию, соединяя людей, идеи, смыслы и предметы в одном пространстве. Исследователи подчёркивают, что музей обладает уникальными возможностями фиксировать и передавать во времени и пространстве духовный опыт поколений, что очень важно для настоящего времени [Шляхтина 2013, 12–19]; при этом происходит расширение объектов музеефикации и, как следствие, появляются совершенно новые типы музеев. Таким образом, «посредством дисциплинарной

власти» музеи становятся «инструментом воспитания индивида и формирования национального самосознания» [Волкова 2020, 117].

Музейный дискурс следует рассматривать как систему взаимосвязанных коммуникативных процессов, которые интерпретируются различными участниками исходя из преобладающих диспозитивов и личных мировоззренческих позиций. Актуальные исследования подчёркивают возможность «через речь и язык изучить восприятие медиасообщения аудиторией (как произведённого другими авторами, так и продуцированного реципиентом текста), что требует привлечения знаний о таких когнитивных процессах, как память, ностальгия, переживание, воображение, чувственное восприятие, личный опыт и т.д., в процессе медиапотребления, что определит новый виток междисциплинарного анализа» [Дунас 2024, 134]. Социальные отношения и действия, выражаемые в рамках данного дискурса, становятся структурой, соединяющей участников, объекты и события в единое целое.

Данное положение обосновывает теория Э. Лаклау, в которой утверждается, что любая социальная реальность обладает дискурсивным характером и включает в себя противоположные, принципиально несопоставимые точки зрения, а её целостность объясняется путём осмысления этих различий [Лаклау 2003, 56]. В описанных условиях музеев (в лице своих теоретиков и практиков), традиционно ориентированный на структуралистские и семиотические парадигмы и активно использующий термины «текст» и «знак», начинает осознавать необходимость расширения теоретических рамок для участия в коммуникационных процессах медийного общества.

Как упоминалось ранее, музей семантически связан с храмом; к примеру, при упоминании «храма искусства» предполагается, что речь идёт о музее. Полемика, связанная с сакральными ценностями в музеях, некогда изъятыми из церковного оборота, находит своё отражение в социокультурном дискурсе. С этой точки зрения важно изучить меняющуюся риторику относительно статуса культурных ценностей на материале медиавысказываний ведущих специалистов в данной области, например, Михаила Пиотровского, генерального директора Государственного Эрмитажа. С этой целью нами были рассмотрены более 30 единиц контента с 2009 по 2024 г., включающие новостные материалы, комментарии, разнообразные по формату интервью и беседы со служителями Церкви.

Рассматривая тему существования сакрального искусства в музее, можно отметить, что эта практика не только служит отправной точкой для новых культурных взаимодействий, но и формирует несколько фундаментальных субдискурсов, каждый из которых вносит свой вклад в понимание места церковного наследия, его роли в обществе и значимости для культуры. Анализ связанных с темой субдискурсов помогает понять, чем обусловлен выбор тех или иных нарративов в средствах массовой информации, почему одни темы вдруг становятся востребованы, как на эти темы реагирует аудитория и адекватно ли в представлении аудитории отображение реальности, предлагаемое СМИ. В результате исследования были выделены следующие субдискурсы.

1) Музей и музейные коллекции в контексте восприятия

Дискуссионным вопросом является отношение к музейному пространству. К примеру, в резонансном интервью телеканалу RT во время VII Санкт-Петербургского международного культурного форума директор Государственного

Эрмитажа Михаил Пиотровский подчеркнул: «Люди должны понимать, что существуют священные места, и музей – одно из таких мест. Музей – это как храм, там нужно ходить на цыпочках»². Подобный смысл обнаруживается и в следующем высказывании: «Это ненормально, когда дома приёмов просят у музея мебель, а церковь – иконы. Музей есть музей, он обязан хранить свои экспонаты. Я давно говорю об этом и пытаюсь решить вопрос на высоком уровне: должна существовать автономия музея, только так можно сохранить объекты культурного наследия»³.

Вполне возможно, что наделение музея сакральным статусом может показаться провокационной идеей, уравнивающей в правах культуру с религиозными институтами. Однако сакральный статус музея как «храма искусства» относится к коннотативным составляющим его лексических значений и указывает на позитивную самопрезентацию, направленную на формирование у реципиентов положительного отношения.

Статус материальных памятников стал темой полемики с главным редактором журнала «Эгоист» Андреем Новиковым 5 ноября 2024 г.: «И церковь часто говорит: “Музеи хранят вещи, которые не для них создавались”. Вторая вещь абсолютно правильная. Музей хранит вещи, которые создавались для других функций. Но функции эти тем или иным образом исчезают. Музей в музейной функции сохраняет вещи, сохраняет искусство, сохраняет память нации. И в этом очень великий смысл»⁴. Выражая экспертное мнение, автор данного высказывания рассуждает о трансформационных процессах, усиливая эмоциональный подтекст посредством повторов, что способствует более глубокому восприятию сказанного.

2) Духовная идентичность и сакральная значимость

Несмотря на достаточно абстрактные формулировки, аудитория способна понять смысл высказываний директора Эрмитажа, актуализируя свои представления о текущей социальной и политической ситуации в стране: «Эрмитаж исходит из того, что в данный геополитический момент для судеб страны и социального мира в ней соединение мощей с гробницей на территории Лавры приобретает особый смысл. Сегодня сакральное значение памятника важнее его художественной ценности. Десятилетиями ситуация была обратной и именно значение гробницы как памятника русского искусства было основой её защиты, которая дорого стоила Эрмитажу и его руководителям»⁵. По словам Михаила Пиотровского (интервью журналу «Дилетант», июль 2023), «сегодня речь идёт не о возвращении, а о передаче. Это – жест доброй воли, потому что в нынешней ситуации Александр Невский должен исполнять свою роль как защитник русского воинства и русской дипломатии»⁶.

Предполагается, что для большинства адресатов такого высказывания социальный мир имеет фундаментальную ценность: «У целого ряда предметов искусства, прежде всего – церковного, двойное назначение. И это касается не только икон. Сейчас такой момент, и мощи должны работать как обращение к верующим.

² <https://doc.rt.com/filmy/mihail-piotrovskij-muzej--mesto/>.

³ <https://www.kommersant.ru/doc/1284614>.

⁴ <https://www.hermitagemuseum.org/news/directors-blog/blog-post?id=95&lng=ru>.

⁵ <https://ria.ru/20230514/lavra-1871650221.html>.

⁶ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

И ещё один аргумент: нарушение социального мира для сегодняшней России – слишком большая роскошь»⁷.

В следующем высказывании автор опирается на контекстуальный элемент – пресуппозицию, основанную на дополнительных знаниях, которые известны и, возможно, разделяются участниками дискурса. В данном случае пресуппозиция углубляет значение рассматриваемого предложения, обращаясь к общему контексту: «Паникадило это попало в Эрмитаж после разграбления Троицкого собора <...>. Мы, немало подискутировав, на заседании учёного совета решили: оно нам послужило, но его культурная роль сыграна, и мы можем его с благодарностью вернуть. В церкви и музее – разные контексты восприятия. И, учитывая возникшую новую музейную функцию по отношению к уже изъятной из церковного контекста вещи, нужно в каждом случае отдельно обсуждать и решать: здесь вынимание из контекста нормально, а здесь оно по большому счету не соответствует смыслу вещи, как в случае с мощами в музее»⁸. В интервью Виталию Дымарскому подчёркивается, что «бывают моменты в истории, когда сакральность преобладает над художественной ценностью»⁹.

В смысловом поле такого рода высказываний подразумевается, что приведённый спикером факт, как и его причины, очевидны для каждого и не нуждаются в доказательствах и каких-либо объяснениях: «Адресанты знают или предполагают, что реципиенты способны распознать эти подразумеваемые пропозиции на основе общего разделяемого знания, и, зная или предполагая это, они определяют ментальную модель дискурса. Это означает, что ментальные модели гораздо более насыщены в содержательном плане, чем основанные на них дискурсы» [Ван Дейк 2013, 7].

В то же время, некоторые исследователи считают, что «российская медиакультура имеет защитные механизмы и относится к типу культур, обладающих достаточно сильным иммунитетом: активно усваивая внешние атрибуты других культур, Россия остаётся устойчивой в плане изменения содержания традиционных культурных ценностей» [Полуэхтова 1993, 145]. Автор экспертного мнения может использовать контекст, связанный с повседневным опытом, и конструировать из него социально-разделяемые знания: «Вздутые цены на искусство, которое существует сейчас в мире, привели к тому, что все воспринимают: ой, это дорого стоит, ой, хочу, ой, тонна серебра, ой, хотим. Из-за этого забывается, что вообще-то у искусства есть духовное измерение, которое не подразумевает разговоры о “возвращениях”»¹⁰.

3) Церковное искусство и светское мировоззрение в контексте музейной практики

Пример, приведённый ниже, репрезентует ситуационные пропозиции дискурса, вне зависимости от социокультурных оснований и разделяемых общественных нарративов проявляющие себя в пределах одной или нескольких культур (вероисповеданий, систем ценностей, национальной принадлежности):

⁷ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

⁸ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

⁹ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

¹⁰ https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/12/2023/6572c79a9a79471ec74b2e5d.

«Историческая роль музеев всегда состояла в том, чтобы сохранять культурное наследие, частью которого является и церковное наследие. <...> Действительно, во времена революций попирались культурные ценности противников, но одна из функций музеев – вынимать вещи из предыдущего контекста, называть их искусством и, уже независимо, сохранять. И они, кстати, приобретают в музеях новые грани. Религиозные предметы, изъятые у Церкви и находившиеся в музеях в советское время, определённым образом воспитывали публику. В том числе и религиозно. К полотнам Рафаэля всегда приводили детей, чтобы рассказать им о Библии»¹¹. Различия могут быть обусловлены историческим контекстом, социальной структурой и уровнем образования, что маркирует сложность межкультурной коммуникации: «Однако в музеи приходят люди, которые не придут в церковь. Поэтому очень важно, чтобы они встречались у нас с церковным искусством»¹².

4) Роль музея как хранителя произведений искусства

Сохранность произведений искусства часто выступает как основополагающий аспект дискуссии, пример чему – цитата из интервью «Коммерсанту» от 22.07.2023: «Мы просто наш экспонат экспонируем в Лавре: безопасность, температурно-влажностный режим – всё это должно быть на музейном уровне, саму раку, скорее всего, закроют для сохранности “стеклянным куполом”, и в договоре установлены права музея в случае чего изъять гробницу обратно и даже вывозить её на выставки. Нет “требований музея” – есть требования, обеспечивающие сохранность памятника»¹³.

В беседе с медиа-холдингом РБК от 15.05.2023 говорится, что «в течение ста лет Эрмитаж хранил и четырежды спасал от гибели гробницу и раку святого Александра Невского. Сегодня эта ответственность на 49 лет передаётся Церкви. <...> Церкви предстоит воссоздать те уникальные условия состояния воздуха, которые созданы огромным трудом в Эрмитаже. Без этого хрупкая гробница погибнет»¹⁴.

В этих примерах пресуппозиции выявлены с помощью так называемых фактивных глаголов, которые трансформируют тезисы в обоснованное истинное убеждение, например: Церкви *предстоит воссоздать* уникальные условия (предпосылка: «музей создал уникальные условия»), Эрмитаж *четырежды спасал от гибели* (предпосылка: «за музейными стенами материальным памятникам грозит опасность»).

5) Целостность музейных фондов, ответственность и правовые аспекты

Правовая основа решений играет ключевую роль в дискурсе. Использование аффирмативных форм обеспечивает уверенность в заявленных утверждениях и создаёт иллюзию консенсуса, а также снижает вероятность восприятия информации как гипотетической: «При передаче гробницы она не была исключена из состава музейного фонда и, соответственно, подчиняется целому набору требований, в том числе Единым правилам учёта и хранения. И решение принималось

¹¹ <https://rg.ru/2013/01/16/atlanty.html>.

¹² <https://rg.ru/2013/01/16/atlanty.html>.

¹³ <https://www.kommersant.ru/doc/6112447>.

¹⁴ https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/12/2023/6572c79a9a79471ec74b2e5d.

о частичной передаче в оперативное управление Александро-Невской лавре под контролем Эрмитажа»¹⁵.

В интервью «Коммерсанту» от 15.03.2018 подчёркивается роль музея как хранителя коллекций: «Всякое нарушение цельности музейного собрания ведёт к разорению музейного фонда как такового – мы это проходили и в 1920-е, и в 1990-е. По сути же всё, что мы сейчас называем реституцией, – проявления этого постколониального синдрома вины. И сюда можно отнести всё происходящее у нас в последние годы: и планы передела коллекций ГМИИ и Эрмитажа ради воссоздания Музея нового западного искусства, и споры вокруг дворцов-музеев в петербургских пригородах, и история с Одигитрией Торопецкой, и другие инициативы Русской православной церкви. И сам факт того, что одним-единственным документом можно нарушить неприкосновенность коллекции»¹⁶. Здесь и в примерах ниже использование аффирмативной модальности в высказываниях выражает авторитетность и уверенность в заявленных позициях, что влияет на формирование мнения аудитории и отношение к обсуждаемым вопросам, а представленные утверждения переводит в разряд фактов.

На ответственности за сохранность сделан акцент в материале, опубликованном в журнале «Дилетант» (М. Пиотровский): «Только и слышишь: “Святыня, святыня!” Мы сто лет несли на себе ответственность за неё. Давайте теперь разделим её с Церковью»¹⁷.

Необходимость обновления законодательной базы обсуждается далее в этом же интервью: «Есть такой вопрос – защита музейных коллекций. И существует проект поправок к Закону о музейном фонде, который обеспечивает защиту музейных коллекций. Я этим проектом занимаюсь уже полтора года. Ранее, в советское время тебе посылали телеграмму – выдайте такую-то картину! И её выдавали и продавали за границу. Всё чудненько, и никаких средств защиты от этого не было. Уже в послевоенное время возник ряд законодательных актов и Закон о музейном фонде, которые определяли, при каких условиях вещи могут быть отобраны у музея, в котором они находятся в оперативном управлении. Потом это всё заменилось Гражданским кодексом»¹⁸.

Границы понятий «сохранение», «заимствование» и «апроприация», применяемых к описанию статуса культурного наследия, находят своё описание в высказывании: «Смотрите, чем оборачивается деколонизация. Отмена музеев. Мол, музеи хранят краденое. Франция отдаёт бенинские бронзы, Египет требует от Британии возврата Розеттского камня, Греция – мраморы Парфенона <...>. То, что раньше называлось замечательным культурным заимствованием, сегодня звучит как “культурная апроприация”. То есть говорят: вы берёте нашу культуру, используете её, делаете, скажем, какие-то юбки по китайским или по древнеегипетским мотивам, и тем самым вы апроприируете нашу культуру и искажаете её, и это преступно!»¹⁹. В приведённом отрывке обнаруживается такая структурная

¹⁵ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

¹⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/3571794>.

¹⁷ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

¹⁸ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

¹⁹ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

характеристика дискурса, как агенсы и отношение к ним. Активные участники дискурса, производящие действие или контролирующие ситуацию, могут быть названы или присутствовать анонимно, представлять категории, группы или присутствовать индивидуально, быть субъектом или событием, ситуацией или явлением. В данном фрагменте агенсы, осуждающие «культурную апроприацию», создают смысловую модель «музей, который хранит краденое» vs «самобытная культура», которая является одной из важных характеристик представленного дискурса.

6) Невозможность универсальных решений

Поиск компромисса, обусловленного индивидуальными решениями, демонстрирует материал о «настоящем и будущем Эрмитажа» в интервью культурному обозревателю «Коммерсанта» Кире Долининой от 17.07.2013 г.: «Но надо находить какие-то способы решения возникающих споров. Например, надгробие Александра Невского – будем ещё бодаться и бодаться. Сделаем для Церкви копию, её освятят. В данном случае найдено нормальное решение. Точно так же может быть и с иконами: с одними иконами – так, с другими – этак. Мы в своё время сделали круглый стол на эту тему. Немножко поорали друг на друга. И мирные, и немирные, православные, мусульмане. Кричали, но одновременно говорили какие-то очень важные для решения проблем вещи. Надо разговаривать»²⁰.

Подобная мысль высказывалась М. Пиотровским спустя десять лет, в 2023 году: «Так что такая практика существует, она может быть и хорошая, и плохая. Вопросы есть, их надо регулировать. И понимать, что не должно быть такого: один раз что-то передали – и пошло! Теперь надо давать, давать и давать! Каждый раз должно быть отдельное принципиальное решение. Правительственное решение. Не меньше»²¹.

Лексические единицы текста представляет собой некий набор стереотипов, призванный создать у аудитории ощущение нелёгкого процесса переговоров и высокой значимости происходящего: надо находить какие-то способы решения, найдено нормальное решение, очень важные для решения проблем вещи, надо регулировать, отдельное принципиальное решение.

7) Художественная ценность, критерии определения

В комментарии М. Пиотровского к новостному материалу от 08.06.2016 о передаче икон, изъятых из незаконного оборота, подчёркиваются критерии отбора музейных предметов, такие как редкая иконография или нестандартное изображение сюжетов, ликов: «Художественная ценность представленных икон выше ритуальной. Это главная причина, по которой они должны находиться в музее, а не церкви. Мы отобрали вещи, которые пополняют наши знания и дают материал для исследования бытования иконы в России, её бытования в обществе. Иконы с определёнными признаками народного искусства, очень редкие, которые дополняют нашу коллекцию»²². Этот фрагмент беседы показывает, что музейный подход к экспонированию основан на концепции восприятия священных изображений как предметов, обладающих высокой художественной ценностью. В рам-

²⁰ <https://www.kommersant.ru/doc/2235494?ysclid=mi4lr7yxl917o29843>.

²¹ https://vk.com/@hermitage_museum-mihail-piotrovskii-zastavlyaem-ludei-dumat.

²² <https://www.kommersant.ru/doc/3008190?query>.

ках данной парадигмы подразумевается, что эстетическая функция этих объектов становится ключевой, так как они выступают элементами культурного наследия, которые можно и нужно оценивать с точки зрения художественной формы, композиции и цветового решения.

С другой стороны, экспонирование икон и связанных с ними предметов в музейном контексте способствует созданию пространства для диалога между искусством и духовностью. Это позволяет зрителям не только ознакомиться с религиозными традициями, но и насладиться красотой и величием художественного выражения, заключённого в каждом из представленных произведений.

8) Ценность взаимодействия

В интервью Михаила Пиотровского *The Art Newspaper Russia* от 15.05.2023 подчёркивается: «Всякое размещение художественного шедевра в общественном пространстве – риск. В музее он меньше, чем в церкви, однако превращение дискуссии в открытую борьбу вреднее для общественного согласия, чем изменение места экспонирования. Именно чувством острой социальной и исторической ответственности Эрмитаж и старается всегда руководствоваться»²³.

Необходимость сотрудничества, попытки найти компромисс отражает высказывание в интервью газете «Коммерсантъ» от 27.06.2011: «Службы со свечами в музее проводить нельзя. Но мы предлагаем, чтобы 25 декабря, в день изгнания неприятеля из пределов Отечества, служилась особая служба и проходил военный парад, как это было раньше. Этот день – особенный в русской государственной истории»²⁴.

Новые форматы как бытования памятников, так и структурной коммуникации представлены в дискуссии с епископом Выборгским Назарием (Лавриненко): «Я думаю, что скоро станут актуальными церковные музеи, их надо развивать. Именно такие динамичные схемы должны работать в XXI веке. При этом нужны система гарантий, электронное слежение и т.д. Я считаю, что музейные вещи временно могут быть в Церкви, а церковные – временно в музее и становиться там объектом научного исследования. У нас есть опыт, и этот опыт важнее, чем спор»²⁵. Ценность взаимодействия подчёркивается в интервью РБК от 2013 года: «Ситуации, когда Церковь и музеи идут навстречу друг другу, не надо замалчивать. Эта история с передачей картины в музей – очень хороший пример. И мы очень ценим то, что делает Церковь»²⁶.

Экспозиционный кейс отражает взаимосвязь между музейными объектами, историей и культурным контекстом, подчёркивая их роль в процессе формирования музейного нарратива. Приведённые цитаты формируют определённую систему конвенционных представлений, которые направлены на создание у аудитории понимания важности взаимодействия. Это репрезентация диалога, в котором музей и Церковь участвуют в данный период времени, взаимодействуя с другими участниками с их социальными ролями, представлениями и целями, где, несмотря на различия в их формах и методах, обе стороны стремятся к одной

²³ <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20230515-wedn/?ysclid=m6f6ofusb157859873>.

²⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/1663524?query>.

²⁵ <https://rg.ru/2013/01/16/atlanty.html>.

²⁶ <https://rg.ru/2013/01/16/atlanty.html?ysclid=m6ngbszywi558540500>.

цели – формированию и закреплению моральных ценностей. При этом «мировоззрение, отражённое в дискурсе при помощи языковых форм, есть часть социального действия, реагирующего на динамику социального развития, выраженную в языке» [Водак 2006, 115].

Деятельность музея отражает процессы переосмысления исторического прошлого, конструирования идентичности, актуализации ценностных аспектов и востребованных обществом нарративов, являясь объектом усилий различных институциональных акторов, сообществ памяти и медиаплатформ. В то же время музейная деятельность немыслима без сбора, сохранения и систематизации материальных артефактов, стремления выявить характерные черты какой-либо исторической эпохи, формах их отражения в повседневности и т.д.

Культура и культ имеют общий корень: почитание материальных артефактов становится основой культурной парадигмы, а сам по себе культурный контекст глубоко укоренён в религиозных традициях. Музейные ценности во многом представляют собой предметы, связанные с религией, что не удивительно, так как православная вера на протяжении веков была основой общественной идеологии. Параллель между сакральными предметами и музейными коллекциями основана на том, что восприятие духовной реальности осуществляется через осязаемые символы – будь то соборы, иконы, священные тексты или культовые объекты.

Исследователи отмечают, что одной из «ключевых особенностей настоящего периода можно назвать трансформацию и расширение понятия “наследие” (появление новых объектов, музеефикация целостной историко-культурной среды, включение нематериального культурного наследия и т.д.), а также расширение коммуникативных практик в презентации этого наследия обществу» [Чувилова 2009, 21]. Дискурс, отражающий бытование церковного искусства в стенах музеев, представляет собой комплексную практику, в которой сосредоточены как сакральные, так и культурные аспекты. С одной стороны, памятники обладают высокой духовной значимостью, поскольку они являются неотъемлемой частью религиозных традиций и обрядов. Их функциональное назначение связано с ритуалом, поклонением и обращением к Божественному, что определяет их статус для верующих. С другой стороны, значение этих артефактов для культуры и национального самосознания также нельзя недооценивать. Музеи выполняют важную роль, обеспечивая сохранение и популяризацию церковного наследия. Благодаря музеям материальные памятники, которые могли бы быть утрачены или забыты, доходят до последующих поколений и становятся доступными для широкой аудитории. Важен и тот факт, что «роль медиа в общественных трансформациях настолько велика, что невольно возникает вопрос, являются ли медиа инструментом этих изменений, или они суть этих изменений, и как разграничить природу медийного в обществе и природы социального в медиа» [Вартанова 2019, 181].

Поэтому для представителей музейного сообщества так важно понимание того, обладают ли церковные институции, готовые взять на себя ответственность за сохранность шедевров религиозного искусства, достаточными организационными, финансовыми, техническими и научными возможностями для их изучения и публичного представления. Всякий раз это требует принятия уникальных решений, учитывающих как духовные, так и культурные аспекты, балансирующих между просветительской задачей музеев и уважением к сакральным традициям.

В условиях быстро меняющегося социального фона, когда традиционные нарративы подвергаются сомнению, основой формирования культурной идентичности вполне могут стать произведения церковного искусства.

Библиография

- Ван Дейк 2013 – Ван Дейк Т. А. Дискурс и знание / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). Вып. 18. С. 5–23.
- Вартанова 2019 – Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. Москва, 2019.
- Водак 2006 – Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу / Пер. с англ. О. А. Салоповой // Политическая лингвистика. 2006. № 7 (19). С. 107–116.
- Волкова 2020 – Волкова Е. В. Церковное искусство в музейной раме: современные способы экспозиционного показа // Визуальная теология. 2020. № 1. С. 114–124.
- Дунас 2024 – Дунас Д. В. Медиапотребление как область междисциплинарного анализа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. № 6. С. 115–135.
- Кирилов 1845 – Кирилов Н. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Санкт-Петербург, 1845.
- Лаклау 2003 – Лаклау Э. Невозможность общества / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 54–57.
- Максим Исповедник 2006 – Максим Исповедник. Сочинения. Челябинск, 2006.
- Полуэхтова 1993 – Полуэхтова И. А. Американское кино как средство культурной экспансии. Диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Москва, 1993.
- Поляков 2011 – Поляков Т. П. Сергиево-Посадский музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории // Очерки истории города Сергиева Посада: Конец XVIII–XX век. Москва, 2011. С. 423–465.
- Рыжкова 2024 – Рыжкова О. А. Музей: дискурс-анализ концепта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 1 С. 51–54.
- Флоринский 1879 – Флоринский В. М. Проект публичного историко-этнографического музея при Казанском обществе археологии, истории и этнографии. Казань, 1879.
- Чувилова 2009 – Чувилова И. В. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20–25.
- Шляхтина 2013 – Шляхтина Л. М. Современная музеология: горизонты теоретизирования // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 12–18.
- Эко 1998 – Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с ит. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. Санкт-Петербург, 1998.
- Butler 2007 – Butler B. Return to Alexandria. An ethnography of cultural heritage, revivalism, and museum memory. London, New York, 2007.

References

- Butler 2007 – Butler B. Return to Alexandria. An ethnography of cultural heritage, revivalism, and museum memory. London, New York, 2007.
- Chuvilova 2009 – Chuvilova I. V. Classification of museums and heritage issues. *Museum*. 2009. 5. Pp. 20–25. In Russian.

- Dunas 2024 – Dunas D. V. Media consumption as a field of interdisciplinary analysis. *Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*. 2024. 6. Pp. 115–135. In Russian.
- Eco 1998 – Eco U. *La Struttura Assente*. Transl. into Russian by V. Reznik, A. Pogonyailo. St. Petersburg, 1998.
- Florinsky 1879 – Florinsky V. M. Project of the public historical and ethnographic museum at the Kazan Society of Archeology, History and Ethnography. Kazan, 1879. In Russian.
- Kirilov 1845 – Kirilov N. Pocket dictionary of foreign words included in the Russian language. St. Petersburg, 1845. In Russian.
- Laclau 2003 – Laclau E. The impossibility of society. Transl. into Russian by A. Smirnov. *Logos*. 2003. 4–5 (39). Pp. 54–57.
- Maxim the Confessor 2006 – Maxim the Confessor. Works. Transl. into Russian. Chelyabinsk, 2006.
- Poluekhtova 1993 – Poluekhtova I. A. American cinema as a means of cultural expansion. Dissertation for the degree of Cand. Sci. in Sociology. Moscow, 1993. In Russian.
- Polyakov 2011 – Polyakov T. P. Sergiev Posad Museum-Reserve: the ideal project and the reality of history. Essays on the history of the city of Sergiev Posad: the end of the 18th – 20th centuries. Moscow, 2011. Pp. 423–465. In Russian.
- Ryzhkova 2024 – Ryzhkova O. A. Museum: discourse analysis of the concept. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2024. 1. Pp. 51–54. In Russian.
- Shlyakhtina 2013 – Shlyakhtina L. M. The contemporary museology: horizons of theoretical studies. *The Problems of Museology*. 2013. 1. Pp. 12–18. In Russian.
- Van Dijk 2013 – Van Dijk T. A. Discourse and knowledge. Transl. into Russian by E. Kozhemyakin. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities*. 2013. 13 (156). Is. 18. Pp. 5–23.
- Vartanova 2019 – Vartanova E. L. Media theory: domestic discourse. Moscow, 2019. In Russian.
- Volkova 2020 – Volkova E. V. Christian art in museums: modern techniques of exposition. *Journal of Visual Theology*. 2020. 1. Pp. 114–124. In Russian.
- Wodak 2006 – Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. Transl. into Russian by O. Solopova. *Political Linguistics*. 2006. 7 (19). Pp. 107–116.

Информация об авторе

Ольга Александровна Рыжкова

старший преподаватель

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-4111>

e-mail: s244681@std.novsu.ru

Information about the author

Olga A. Ryzhkova

Senior Lecturer

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-4111>

e-mail: s244681@std.novsu.ru

Материал поступил в редакцию / Received 03.03.2025

Принят к публикации / Accepted 09.07.2025